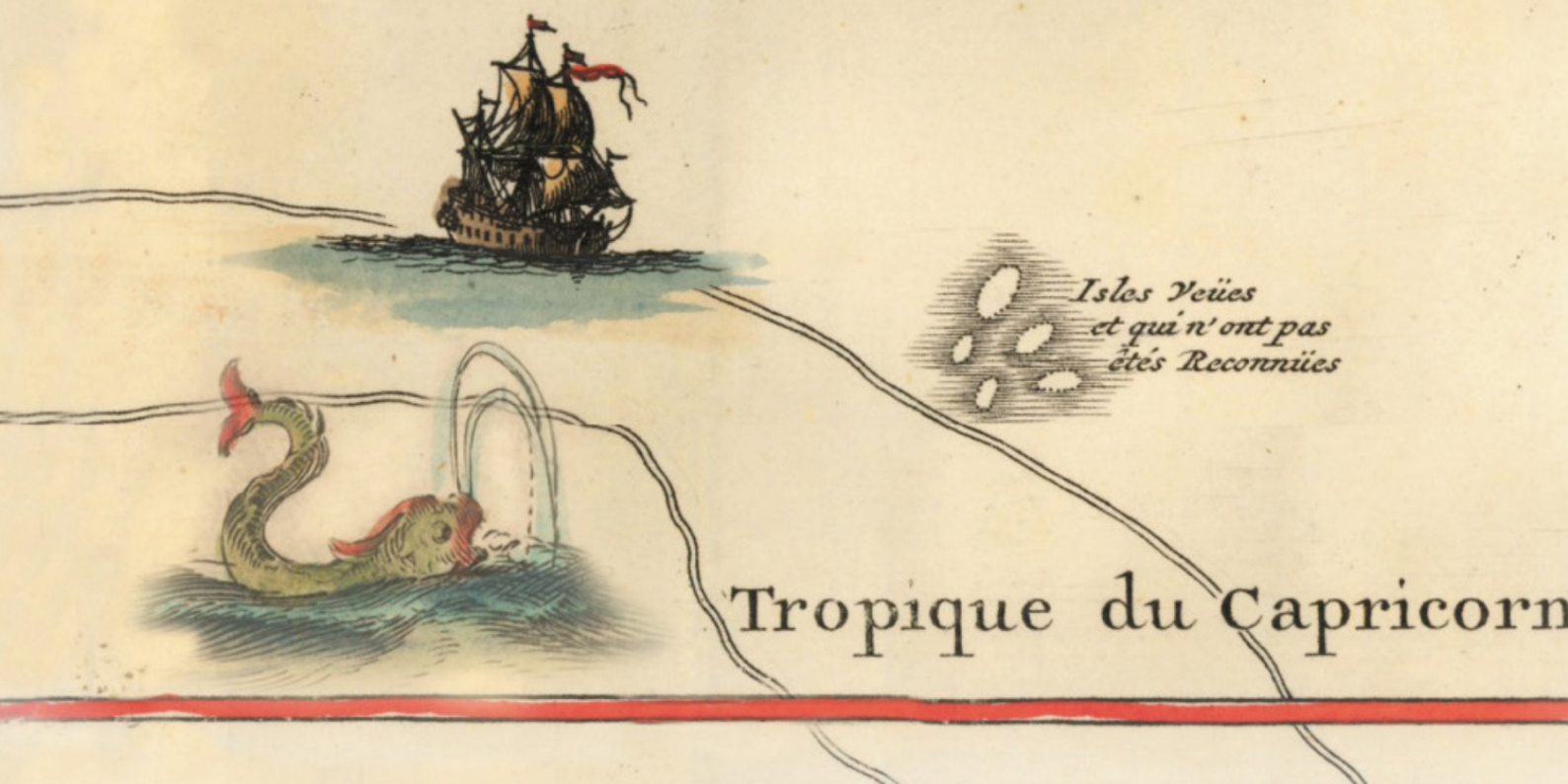

АЛЬБЕРТО
ВАСКЕС—ФИГЕРОА

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ СВЕТА: ГАЛАПАГОСЫ

Альберто Васкес-Фигероа

**Путешествие на край
света: Галапагосы**

«Издательство «Перо»

1992

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

Васкес-Фигероа А.

Путешествие на край света: Галапагосы / А. Васкес-Фигероа —
«Издательство «Перо», 1992

ISBN 978-5-00150-011-7

Через Венесуэлу, вдоль берегов Ориноко и Карони, мимо величественных Тепуи и через бескрайнюю Великую Саванну, мимо лагерей старателей, занятых поиском золота и алмазов, на острова Санто-Доминго и Пуэрто-Рико, затем в предгорья Анд на поиски таинственной «Долины Пирамид» и в джунгли Эквадора, вдоль берегов Напо, и, наконец, Галапагосский Архипелаг, одно из самых интересных и таинственных мест на земном шаре, далекие и мало изученные острова, получившие прозвище «Зачарованные Острова».

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

ISBN 978-5-00150-011-7

© Васкес-Фигероа А., 1992
© «Издательство «Перо», 1992

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Альберто Васкес-Фигероа

Путешествие на край света

Галапагосы

Посвящается Мари-Клэр, моей жене

Alberto Vázquez-Figueroa
Viaje al fin del mundo: Galapagos

Copyright © Vázquez-Figueroa

Часть первая

Путешествие на край света

Глава первая

Операция «Ноев Ковчег»

Огромный самолет накренился и начал снижаться, оставив ледяные девять тысяч метров, он опустился до духоты и зноя Маикуэтиа. И пока самолет разворачивался, чтобы зайти на посадку, я долго смотрел на море, раскинувшееся внизу, и на проплывающий под крылом грязный порт Ла Гуaira.

Через полчаса, или чуть дольше, таксист, что гнал всю дорогу как помешанный, выгрузил мои вещи и заодно меня перед входом в отель. Все это время он настойчиво старался внушить мне мысль, что лучше остановиться в новом здании «Каракас-Хилтон», но я предпочел «Таманако», чей бассейн, особенно в полуденные, самые жаркие часы, безо всяких сомнений, есть самое приятное место во всем этом городе.

Выйдя из душа, смыв с себя дорожную грязь, я почувствовал себя гораздо лучше, подошел к большому окну, откуда открывался вид на тот самый бассейн, на сады и на сам город, раскинувшийся на фоне горы Авила. Наступал вечер, и не думаю, что где-нибудь в мире существует какая-нибудь другая столица, чьи закаты по своему великолепию могли бы сравниться с закатами над Каракасом, и каждый раз на небе разыгрывается единственное в своем роде, неповторимое зрелище, которым я никогда не устаю любоваться.

А спустя всего лишь несколько минут я уже стоял на пороге дома моего брата, не ведавшего о моем приезде, хотя, скорее всего, он догадывался о том, что в какой-то момент я все-таки объявлюсь, поскольку заранее посвятил его в детали моего проекта «Операция Ноев Ковчег».

Идея этого проекта зародилась здесь же, в Венесуэле, но «корни» его тянутся далеко к другому континенту, к Африке. Прожив там много лет, я на собственном опыте убедился, насколько оправданы опасения, что со временем, не в одночасье конечно, а понемногу, потихоньку, но вся чудесная африканская фауна просто исчезнет с лица земли.

Спустя всего лишь одно столетие половина территории Черного континента, где раньше обитали дикие животные, опустела. А в тех местах, где они еще встречаются, выживая как получится, их численность составляет менее одной четвертой от прошлого изобилия.

Даже за то время, не больше чем половина моей жизни, все изменилось самым драматичным образом, и я отлично помню, как в начале пятидесятых годов стада газелей, антилоп и страусов свободно бегали по бескрайним просторам равнин Сахары. А сейчас, во время моей последней поездки в тот же регион пустыни, я ехал день за днем и за все это время не увидел ни одной газели, ни одной антилопы, и даже не было следов, указывающих на то, что здесь когда-то обитали страусы.

И самое грустное заключается в том, что сама пустыня не изменилась, и условия жизни животных, чему я был свидетелем много лет назад, совершенно не ухудшились. А причиной их исчезновения, однозначной и очевидной, можно считать неукротимую страсть человека стрелять во все, что живет и движется.

Пока Испания удерживала протекторат над Марокко и Сахарой, большинство чиновников и военных, обосновавшихся в тех местах, в основной своей массе, любили и относились с уважением как к самой пустыне, так и к ее обитателям. Им нравились те пустынные земли,

хотя многие из них были охотниками, но в то же время они умели уважать законы природы, прекрасно знали как и когда можно было стрелять по животным, а когда этого делать не стоит.

Отказавшись же от протектората в Марокко, на территорию Западной Сахары хлынули военные и разнообразные чиновники, для которых это назначение было лишь обязанностью, да и то мало приятной, для них эти земли были чужими и к ним они не испытывали ни любви, ни даже малейшей привязанности, и самым доступным способом побороть скуку для тех людей было стрелять во все, что движется и шевелится.

В тот день, когда Марокко получила свою долгожданную независимость, старая Сахара, полная романтики путешествий на верблюдах «мехари», многочисленных караванов и сказочных ночей у костра, умерла, а с ней канули в Лету и огромные стада, что до этого паслись среди песков.

Но это лишь была одна из многочисленных причин, приведших к тому, что за сто последних лет дикие животные медленно, но постоянно, исчезали на бескрайних просторах Африки.

Когда-то на севере континента обитали слоны меньшие по размеру, чем их родственники в других регионах, но более приспособленные к здешним суровым условиям, и кого люди приручали уже в глубокой древности, но потом их количество начало стремительно сокращаться, пока последний экземпляр не умер в начале двадцатого века в маленькой деревушке в Тунисе.

Чуть позже, где-то в тридцатых годах двадцатого века, умер последний представитель легендарной разновидности берберийских львов, несравненно более величественные и красивые, чем его собратья с Юга, прославившиеся из-за своей высокомерной, царской внешности и густой, черной гривы, спускающейся до середины груди. Затем пропали египетские газели, из которых уцелело не более сотни экземпляров, исчезли «ню с белым хвостом», выжило лишь несколько штук в неволе, а «зебры Буршеля» и «голубые антилопы» были истреблены полностью, все до последнего животного. «Антилопы-лира» – как их еще называют «бонтебок» – исчезли вместе со своими родственниками антилопами-«блесбок». Все, что от них осталось – это несколько чучел, хотя всего пару столетий назад их многочисленные стада, в буквальном смысле этого слова, покрывали огромные территории на юге Африки.

И так это будет скучно и грустно продолжать перечислять все те виды, что уже исчезли навсегда, и которые, как бы мы этого не хотели и как бы мы не старались, уже никогда не получится возродить. Одни говорят, что таких видов животных около сорока, пессимисты же утверждают, что значительно больше и что на протяжении следующего поколения безвозвратно уйдут и другие.

И винить в этих исчезновениях нужно не только охотников-любителей, но и местное население, чье отношение к собственной природе едва ли можно назвать уважительным, а еще, конечно же, прогресс, и как следствие его – неискоренимая потребность человека противопоставлять себя всему, с чем встречается на своем пути, забирать земли у джунглей и у саванн, продвигаться все время вперед, вытесняя на земли, мало пригодные для обитания, огромные стада животных, что до этого господствовали на всем Черном континенте.

Хотя это утверждение может показаться абсурдным и безосновательным, но Африка стала слишком маленькой. И будет продолжать уменьшаться вплоть до того момента, пока человек и животные не научатся сосуществовать в мире и уважении друг к другу.

За пределами больших заповедников или национальных парков, таких как Серенгети в Кении, или Крюгер в Южно-Африканской Республике, осталось не так уж и много природных уголков, где зебры, жирафы, антилопы, слоны и газели могут бродить в свое удовольствие и в состоянии дожить до, и пережить, историческую дату – начало второго тысячелетия.

Я сам был свидетелем этой трагедии. Видел собственными глазами, как каждый год убивают тысячи слонов для того лишь, чтобы смастерить из их ног подставку для бумаг, как истребляют целые стада зебр с одной целью – изготовить из их шкур ковры. Наблюдал, как разрастаются города, как расползаются в разные стороны шоссе, как расширяются плантации,

как зарождалась индустрия, то есть видел все то, что, в конце концов, уменьшает шансы диких животных на выживание.

И пришел к неутешительному заключению, что против этого ничего нельзя поделать. И как когда-то бизоны перестали бродить по прериям Северной Америки, так когда-нибудь и слоны исчезнут на просторах Африки. Но однажды, когда я работал на алмазных приисках, на реках венесуэльской Гайаны, изобилующих этими драгоценными камнями, я повесил на плечо ружье и отправился побродить по просторам Великой Саванны, чтобы подстрелить на ужин какую-нибудь дичь. И каково же было мое изумление, когда мне пришлось отшагать несколько часов и многие километры, и все это время ни одно животное не встретилось на моем пути, даже прицелиться было не в кого. Тогда я остановился и припомнил, что за все годы, проведенные в Южной Америке (Гайана, Амазония, Льянос или Анды) я постоянно сталкивался с удивительным феноменом, который можно было бы назвать как недонаселенность этих мест фауной. Другими словами: животные там встречались крайне редко, и некоторые регионы саванны, сельвы, гор и речных долин оставались такими же пустынными, как сама Сахара, хотя природные условия в тех местах можно считать оптимальными для жизни животных.

Тогда я начал изучать основательно и скрупулезно эту «среду обитания», и после четырех лет исследований и сравнений пришел к выводу, что по своим климатическим условиям, по свойствам почвы, по составу травяного покрова, по изобилию источников пресной воды и даже по основным характерным особенностям пейзажа, между венесуэльской Великой Саванной и африканскими саваннами не было никаких существенных различий; точно так же, как не существует каких-то фундаментальных различий между Льянос и амазонской сельвой и некоторыми областями пустынь.

Таким образом, на территории Южной Америки присутствуют миллионы гектаров совершенно пустынных земель, к которым человек не проявляет никакого интереса и которые могли бы стать новой «средой обитания» для всех тех видов животных, лишенных надежды на выживание на их родном континенте.

Придя к подобному заключению, я перешел к следующему этапу и посвятил свое время изучению возможности акклиматизации разных видов африканских животных на новых землях, если бы появилась возможность их переселения. Также выяснил, что все те виды, какие были завезены на территорию Южной Америки по тем или иным причинам, сумели прекрасно приспособиться к новым условиям. И речь не идет о коровах, лошадях, курах или каких-либо других одомашненных животных. Речь идет о других животных, как например, буйволы или «сарга hispanica», что развивались и размножались на свободе без малейших проблем.

Более века назад один скотовод завез на остров Марао, в устье Амазонки, пару африканских буйволов, и в настоящее время они размножились до такого количества, что охота на них стала чуть ли не основным источником дохода и способом привлечения туристов. В другом случае, судно, перевозившее среди прочего груза несколько экземпляров «сарга hispanica», потерпело крушение напротив небольшого острова недалеко от берегов Венесуэлы, где теперь их водится столько, что толком никто не знает численность этих животных. Убедившись, таким образом, что существуют условия и возможности для спасения африканских животных, я поселился в Южно-Африканской Республике, где познакомился с руководством национальных парков. Хотя вначале они и были несколько удивлены моей идеей, но, спустя некоторое время, все же согласились с тем, что для подобного переселения животных не существует никаких препятствий. Если подобное начнется, то они готовы принять в этом процессе участие, потому что в Парках постоянно возникают проблемы, связанные с жизненным пространством, с водой и пропитанием животных.

В те дни в парке Крюгер должны были забить три тысячи слонов, поскольку высокая численность этих больших животных могла привести к голоду среди других обитателей заповедника.

– Эх, если бы я мог забрать с собой эти три тысячи слонов в Амазонию, – с большим сожалением комментировал я тогда все это, – им бы потребовалось, наверное, миллион лет, чтобы съесть там всю растительность.

Это истребление животных, необходимое и обязательное, но вместе с тем и болезненное, еще раз подтвердило, что моя идея, которую я назвал «Операция Ноев Ковчег» правильная, и я должен продолжать делать все возможное, для ее реализации, воплотить мою мечту в жизнь и увидеть как по бескрайним, пустынным землям Америки бродят большие стада слонов, жирафов, газелей, антилоп, страусов и прочих видов животных, что когда-то, на протяжении многих столетий, украшали зеленые склоны африканских холмов.

Это и была причина моего приезда в Венесуэлу: найти сторонников и поддержку моему проекту.

Но я приехал не с пустыми руками – до этого мне удалось заинтересовать одну крупную компанию, занимающуюся воздушными перевозками между Южной Африкой и Европой и Европой и Южной Америкой, руководство которой согласилось бесплатно перевезти животных через три континента.

Мой брат, знавший про все мои иллюзорные планы и поддержавший их, совместно с выдающимся писателем и журналистом Хосе Антонио Риал, обосновавшимся также в Венесуэле, решили, что организация, способная помочь реализовать в жизнь мои проекты – это Венесуэльская Корпорация Гайаны – структура, обладающая невероятным экономическим влиянием, что отвечает за развитие одного из самых богатых регионов планеты: венесуэльской Гайаны.

До этого они встречались с ее президентом и поставили его в известность: генерал Рафаэль Альфонсо Раварт – человек удивительной работоспособности, и хотя за все это время правительство менялось три раза, и в последний раз к власти пришли те, кого можно было бы назвать его политическими врагами – «Христианские Демократы» во главе с президентом Рафаэль Калдера – генерал продолжал оставаться на своем посту и никто не осмеливался убрать его оттуда.

Венесуэла одна из немногих стран, где придерживаются того правила, что если человек полезен для дела, то он остается заниматься этим делом, независимо от образа и направленности его мыслей.

Генерал принял меня в своем кабинете в офисе компании, занимающем целое здание компании «Шелл», расположенном рядом с моим отелем, и в течение нескольких часов мы обсуждали возможность превращения Великой Саванны – на тот момент земля старателей, добывающих там золото и алмазы – в огромный Парк для Акклиматизации. Через несколько лет стада африканских животных будут там таким же обыденным зрелищем, как и на просторах Серенгети. Толпы туристов будут приезжать туда со всего мира, особенно из Северной Америки, поскольку перелет из Майями занимает не более пары часов, чтобы насладиться необыкновенным зрелищем.

Животные привлекут туристов, появление туристов в тех местах, в свою очередь, привлечет внимание разнообразных деловых кругов, и это оживит, придаст огромной территории, с землями пустынными и сейчас почти необитаемыми, импульс в развитии.

Генерал уже определился с местом, где будут размещены первые животные: старинное ранчо «Ато Масобрио», расположенное между реками Ориноко и Карони, рядом с недавно построенной плотиной Гури.

На карте он показал выбранный район и спросил:

– Хотели бы лично осмотреть место?

– Вообще-то, эти места мне знакомы, – ответил я. – Но мне было бы приятно взглянуть на них еще раз.

– Тогда, завтра в восемь утра один из наших самолетов будет ожидать вас.

Глава вторая

Прыжок ангела

На следующее утро в восемь часов, как и было оговорено, нас ожидал самолет, чтобы перенести в Пуэрто-Ордаз на берегу Ориноко, в том месте, где река впадает в Карони. Весь полет должен был занять не более часа.

Хосе Антонио Риал решил лететь со мной. Ему очень хотелось посетить этот город, который можно назвать чудом, построенным руками человека.

Даже сейчас Пуэрто-Ордаз можно считать самым современным городом в мире. Может быть, более современным, чем Бразилия – искусственная столица этого государства – а когда, лет десять назад, я бродил по тем местам, то там не было ничего, кроме жалкой кучки хижин, что именовалась Сан-Феликс и застраивалась безо всякого плана, никому не была интересна, да и жизни там не было почти никакой. В настоящее время Сиудад-Гайана, название этого города, более известное во всем мире, чем Пуэрто-Ордаз, насчитывает почти двести пятьдесят тысяч жителей, улицы все асфальтированные, а мосты, парки, сады, общественные здания построены в самом современном, смелом архитектурном стиле. А близость к плотине Гури, к рудникам Серро-Боливар и к залежам бокситов – возможно, самым богатым в мире – открывают перед этим городом многообещающее, светлое будущее. С другой стороны, размещение города между двух рек, рядом с водопадами и порогами «Льовизна» и «Качамай», во многом удобно и даже привилегированно, поскольку дневные температуры там хоть и высокие, но удручающего зноя не ощущается.

Визит на земли ранчо «Ато Масобрио» был запланирован на следующий день, но, чтобы не терять время понапрасну, я решил пройти вдоль берега озера и осмотреть структуру плотины Гури, что во время моего предыдущего приезда, год назад, была закончена лишь наполовину.

В часе ходьбы от Пуэрто-Ордаз, вверх по течению, черные воды Карони разбиваются о стену высотой в сто десять метров и невероятной толщины, которой инженеры перекрыли древний каньон Некуима. И перед стеной простирается гигантское водохранилище, площадью восемьсот квадратных километров, где сформировался настоящий лабиринт из островов и заливов, совершенно изменив пейзаж, какой я помнил, когда бывал здесь раньше.

Говорят, что после завершения строительства, Гури станет самой высокой плотиной в мире, выше, чем даже знаменитая плотина в Асуане, в Египте, но больше, чем технические аспекты этого проекта, меня всегда восхищали те усилия, какие были затрачены для спасения диких животных, обитавших на землях, обреченных оказаться под водой.

В прошлом году здесь снимали документальный фильм, посвященный этой операции, что так и называлась – «Операция Спасение», и я с удовольствием вернулся сюда, узнать про результаты и встретиться с режиссером этого фильма, доктором Альберто Брузуал, специалистом по фауне Гайаны, и с кем я некогда вел длительные беседы о моем проекте по переселению африканских животных.

Когда я напрямую спросил его – сколько животных удалось спасти, он ответил, что удовлетворен работой своей команды:

– Более восемнадцати тысяч всяких особей, – добавил он. – И еще там некоторые остались. В общем и целом, вся эта «Операция» завершилась успешно, если принять во внимание, что погибло всего триста животных, то количество потерь несравненно ниже, чем число спасенных животных. Наибольший процент смертей приходится на кайманов и на анаконд – животных, которым, по нашим первоначальным расчетам, помощь-то и не нужна была вовсе.

Мне это показалось странным, поскольку все эти животные были прекрасно приспособлены для обитания в водной среде, но доктор пояснил:

– Следовало принять в расчет, что эти животные не все время ведут водный образ жизни, как рыбы. Все они дышат через легкие. Да, они ныряют и остаются под водой, охотясь, но всегда возвращаются на берег. Однако, после затопления, когда створы на плотине закрылись, они вдруг оказались посредине такого количества воды, что многие умерли от страха, сошли с ума от всей этой воды без берегов вокруг них. Очень часто расстояние до ближайшего берега составляло километров пять, не меньше, и это очень много для анаконды или каймана. Когда мы начали находить их тела, то пришлось пересмотреть все наши планы по спасению.

Все это, в чем я лично принимал участие, оказалось более чем интересно. Рано утром, едва рассветало, пироги и моторные лодки спускались на воду и отправлялись на поиски животных, попавших в беду, или спасти тех, кого обнаружили накануне – как обычно, против их воли – забрать с маленьких островов, что еще возвышались над поверхностью воды, и где они, на данный момент, нашли убежище, но ненадолго, потому что эти участки земли были обречены погрузиться под воду. Там приходилось выпускать собак-следопытов, чтобы те заставили животных прыгнуть в воду, где поймать их было гораздо легче, чем на суше. Обезьян, ленивцев, и даже дикобразов, и разнообразных кошачьих нужно было вначале заставить спуститься с деревьев, и мало кто из охотников не возвращался без следов зубов возмущенных обезьян на разных частях тела.

Самыми опасными оказались змеи, которых удалось спасти около тысячи, и из этой тысячи только сто оказались по-настоящему ядовитыми. Спасли также около пяти тысяч сухопутных черепах, в Венесуэле их еще называют «морокойес», и еще штук пятьсот дикобразов. Весьма поучительно выделить тот факт, что одинаково отнеслись ко всем животным, и к тем, которые считаются миролюбивыми, и к тем, кто таковым не считается – главное было сохранить естественную фауну во всей ее природной чистоте, без какой-либо дискриминации.

Дальнейшая судьба всех этих животных была самая разная. Основную часть перевезли – после краткосрочного отдыха, чтобы те забыли пережитый страх – на большой остров Кориима, где на территории площадью в полторы тысячи километров достаточно места и пропитания для всех животных. Других отправили в разные зоопарки, а ядовитых змей поместили в серпентарий, где они теперь участвуют в изготовлении противоядий.

Вся эта «Операция Спасение» – согласно моим данным – оказалась достаточно дорогим мероприятием, поскольку при ее проведении были задействованы самые разнообразные средства, начиная от флотилии небольших суденышек и кончая вертолетами. Но результат стоил всех затраченных усилий, и в очередной раз человек продемонстрировал, что способен уважать Природу.

Особенно я оценил тот факт, и это очень порадовало меня, что венесуэльцы не пожалели денег на проведение этой «Операции», у которой было много общего с тем, что мы планировали сделать.

На следующий день небольшой одномоторный самолет, пилотируемый ветераном Гайаны, Педро Вальверде, за двадцать минут перенес нас на ранчо «Ато Масобрио», чьи пастбища были выкуплены Корпорацией Гайана, потому что часть из этих земель должна была оказаться на дне водохранилища перед плотиной Гури.

Те животные, что будут привезены из Африки, получают здесь и воду, и обширные пастбища, в этой Великой Саванне, расположенной на высоте в полторы тысячи метров и что протянулась вдоль всего правого берега Ориноко.

Места эти невероятно красивы, навевают чувство спокойствия и умиротворения. То тут, то там виднеются рощи из пальм мориче, что придают всему пейзажу вид почти райский, протекает множество рек и ручьев, несущих с собой золото и алмазы. Все эти земли почти пустынные, поскольку на всем их протяжении обитает всего лишь три процента населения Венесуэлы. Население состоит из сборщиков каучука, разнообразных любителей приключений, а также

тех, кто занят поиском золота и алмазов, и еще там живут немногочисленные индейские семьи, миролюбивые по большей части и добывающие себе пропитание рыбной ловлей и охотой.

В свое время реки в этих местах изобиловали всякой живностью, но теперь жизнь здесь истощилась из-за привычки индейцев использовать яд «барбаско», что добывают из сока некоторых растений, и обладающий редким свойством одурманивать рыбу, после чего та поднимается на поверхность, где ее и собирают почти голыми руками.

Но все же не всю рыбу извели, в реках водится множество свирепых пираний, электрические угри, опасные скаты с шипами на хвосте, укол которых очень болезнен и еще одна рыба, обитающая исключительно в этих местах, под названием «четыре глаза», чей ближайший родственник будет найден позже на Галапагосах. Свое название, «четыре глаза», рыба получила из-за того, что и ее зрачок, и ее глазное дно разделены пополам: одна часть наверху, другая внизу, и это позволяет рыбе, когда она плавает у поверхности, видеть все, что происходит над водой и одновременно под поверхностью воды. Рыба выискивает пропитание на дне и в то же время следит за появлением своих врагов: чаек и уток, нападающих сверху.

Другая особенность этой рыбы – это то, что она живородящая, самка производит на свет потомство уже почти полностью сформировавшееся. Анальный плавник самца трансформировался в орган, способный вводить семенную жидкость в тело самки, и еще один любопытный момент – у половины самцов этот анальный плавник отклонен влево, а у другой половины – вправо. Таким образом, прежде чем совокупиться с самкой, самцу еще требуется найти ту, что подходит именно ему, под его плавник.

Что касается фауны этих мест, то она такая же малочисленная, как и человеческая популяция. Зато птиц здесь обитает великое множество, особенно попугаев и колибри, а также туканов, дятлов, но что касается других животных, то можно бродить днями напролет по этим равнинам и не встретить ни одно живое существо, тем более съедобное. И, тем не менее, эта Великая Саванна представляет из себя великолепную среду обитания для сотен самых разнообразных видов.

Может так случиться, что время от времени на нашем пути встретится дикобраз или броненосец, может быть, даже мы повстречаемся с муравьедом или анакондой, или одиноким ягуаром. Гораздо сложнее найти какого-нибудь оленя, косулю, лисицу или кабана. На берегах рек обитают игуаны и капибары, некогда селившиеся здесь большими колониями, но из-за безжалостного и неумолимого их истребления индейцами, которые считают этих животных деликатесом, популяция стремительно сокращается. На вершинах деревьев живут обезьяны, особенно обезьяны-ревуны, «белолицые» обезьяны капуцины, пауки «черная вдова», но их колонии не настолько многочисленны, как в Амазонии.

Это и есть тот регион, куда я собираюсь перевезти животных, находящихся на грани вымирания в Африке. И может так случиться, что это будет первым шагом на пути заселения Южной Америки видами, какие хоть никогда не обитали здесь раньше, но, тем не менее, не существует причин, по которым они не смогут жить в этих местах в будущем.

Если мы хотим, чтобы к середине следующего века наши потомки смогли восхищаться слонами, жирафами или гиппопотамами, то добиться этого можно, лишь переселив животных в амазонскую сельву или на просторы Великой Саванны. По-другому не получится, теми темпами, какими мы истребляем их сейчас, они будут знать об этих животных приблизительно столько же, сколько мы знаем про птицу додо или про мамонта.

Завершив свой визит на ранчо «Ато Масобрио», а, следовательно, причина моего пребывания в Пуэрто-Ордаз была исчерпана также, я, тем не менее, не смог воспротивиться соблазну пройти снова вдоль тех рек, через те поселки и леса, где бродил когда-то, почти восемь лет назад, охваченный алмазной лихорадкой, с одной лишь целью – найти своих старых друзей, которых оставил, когда вынужден был уехать.

Нашему пилоту, Педро Вальверде, эта идея пришла по сердцу, и он заверил меня, что и сам он, и его самолет находятся в полном моем распоряжении и готовы доставить меня в любой уголок, лишь бы хватило горючего и по пути не произошло чего-нибудь непредвиденного. И так как в Гайане отсутствует понятие времени, понятие расстояния и никто никуда не спешит, то я решил начать мои поиски.

– Скорее всего, вы найдете их в местечке Пауль, – сказал он. – Недавно там обнаружили залежи алмазов, самые большие, какие удалось найти за последние годы.

И так, не тратя время на понапрасну на размышления, мы полетели на юг. Под крылом пронеслась плотина и большое озеро Гури, и спустя час, следуя все время вдоль русла реки Карони, мы увидели перед собой отвесные утесы Тепуи, скалистые плато, поднимающиеся над Великой Саванной, словно гигантские замки. С вершины одного из таких утесов, Ауянтепуи, низвергается впечатляющий водопад, самый высокий в мире, около тысячи метров от вершины до основания, названный «Прыжок Ангела». Где-то, приблизительно посередине, поток исчезает, испаряется, превращаясь в облако из крохотных капелек воды, которое позже, внизу, конденсируется и дает начало реке Каррао, одному из притоков Карони, в русле которой было найдено множество алмазов.

Действие своего знаменитого романа «Затерянный мир» Конан Дойль разворачивает не где-нибудь, а именно на вершинах этих утесов Тепуи. И на самом деле, не так уж и невероятно, что какое-нибудь небольшое животное, неизвестное до сих пор, продолжает обитать там, в изоляции от прочего мира, с того самого времени, когда в Третичном периоде эти Тепуи резко поднялись над равниной.

В 1936 году американский пилот Джимми Ангел открыл этот водопад, который теперь носит его имя. Спустя несколько лет, он попытался приземлиться на своем самолете на вершине Ауянтепуи, и, в общем-то, это ему удалось, вот только колеса самолета увязли в грязи и он перевернулся, пришлось ему оставить самолет там же. Он сумел спуститься с того утеса, но спустя некоторое время умер и был похоронен рядом со своим любимым водопадом. Чуть позже пара искателей приключений из Северной Америки, уверенные, что Джимми оставил наверху целое состояние в виде найденных им алмазов – легенда, которая до сих пор живет в тех местах – также попытались приземлиться там же, на вершине, но с тем же результатом – они разбились. Останки обоих самолетов так и остались лежать на вершине Тепуи, и их можно рассмотреть, пролетая над этим местом.

Облетев Ауянтепуи несколько раз на предельно малой высоте, Вальверде наконец-то показал настоящее мастерство в пилотировании, направив наш самолет в устье каньона, между двух его стен, что начинается с южной стороны, и этот полет был самым впечатляющим, самым невероятным, какой мне пришлось испытать в своей жизни. Расстояние между теми стенами, словно обрезанными гигантским ножом, составляет менее ста метров, а глубина достигает тысячи метров. Казалось, что деревья, растущие на склонах, летят прямо на нас. Вальверде уменьшил обороты, и двигатель поперхнулся раза четыре или пять, словно собирался остановиться совсем. Собственно говоря, у любого человека есть право признаться в том, что он когда-то испытывал страх, вот и сейчас я должен сознаться, что в тот момент почувствовал, словно бы железная рука сжала мне горло, сердце и одновременно схватила за живот.

Наш самолетик больше походил на лист бумаги, который крутился и скользил вниз, преследуемый мощными воздушными потоками, что циркулируют в том ущелье и, честно сказать, я не думал, что у нас есть хоть какая-нибудь надежда выбраться оттуда.

Однако, почти у самой земли, Вальверде прибавил обороты, выровнял нос самолета и, повернув налево, обогнув угол уступа, мы вылетели прямо к водопаду «Прыжок Ангела», который возник перед нами так близко, такой величественный, низвергающийся прямо с неба, и капли воды покрыли все стекло кабины. До сих пор точно не помню, как нам удалось набрать высоту и выбраться оттуда. Единственно, что помню – это чувство страха и одновременно...

восторга, которые переполняли меня во время всех этих виражей, что больше напоминали «русские горки».

Когда мы уже оставили позади каньон и летели дальше, Вальверде улыбался, хотя и было заметно, как он слегка побледнел. Позже, все же, сознался, что тоже ощутил это странное чувство из смеси страха перед каньоном Ауянтепуи и одновременно притяжения к нему, и что он уже пролетал через каньон четыре раза, и был уверен, что когда-нибудь все-таки разобьется о его дно. Потом показал мне на небольшую площадку на расстоянии в пару километров, где виднелся скелет разбившегося там самолета.

– Этих каньон тоже приманил, – прокомментировал он, – и вот они – все погибли.

Крайне симптоматично, что в этих отдаленных, труднодоступных местах, где самолет оказывается порой единственным средством транспорта, почти у каждой взлетно-посадочной полосы, в начале или в конце, лежат куски разбившихся летательных аппаратов, и их не убирают то ли из-за лени, то ли оставляют в качестве предупреждения пилотам, что в какой-нибудь из дней и с ними может случиться подобное.

Когда Ауянтепуи остался у нас за плечами, Вальверде указал на какую-то точку на горизонте в юго-западном направлении.

– Вот там находится испанская миссия францисканцев, – сказал он. – Не хотели бы нанести им визит?

Идея пришла мне по душе, и минут через двадцать мы приземлились на плато. Воздух здесь был прохладен и свеж. Невдалеке от того места, где мы сели, поднималось массивное здание из камня, рядом раскинулась небольшая индейская деревня, насчитывающая около тридцати домов: Кабанайен.

Как только мы вылезли из кабины, к нам подошли два монаха: святой отец Куитилиано де Зурита, возглавлявший эту миссию, и святой отец Мартин де Армельяна. Первый выглядел как старец – белая борода и добродушное, открытое лицо, в Венесуэле он жил уже тридцать два года, и все это время на пустынных землях Великой Саванны, и он признался нам, что в миру его звали Хулио Солорзано Перез, родом из Зуриты, из деревни Сантандер, что располагается невдалеке от Торрелавега.

Про второго не помню откуда он был родом, помню только, что любил читать, собрал целую книгу рассказов и легенд тех индейцев, которые жили при Миссии.

Эти индейцы, называвшие сами себя «пемонес», принадлежат к племенам аринготос, камаракотос и алекуна, хотя при посторонних предпочитают, чтобы их все-таки называли именно «пемонес». Люди они мирные, живут под защитой Миссии, занимаются тем, что выращивают рис, разводят скот и охотятся на ту дичь, какая в небольших количествах водится в тех широтах. Когда же я спросил падре Армельяна как и чем живут здесь миссионеры, он, не задумываясь и не моргнув, ответил:

– Исключительно благодаря чуду, сын мой.

И я не удержался и рассмеялся такому быстрому и простому ответу, потому что действительность превосходит все скромные ответы. Собственное стадо Миссии насчитывает пятьсот голов, а площадь рисовых полей так и просто впечатляет. Самая главная проблема миссионеров заключается в том, что не существует надежного пути по земле, связывающего Миссию с остальным миром. И все, что требуется для жизни, начиная от продуктов питания – сахар, масло, мука или кофе и кончая цементом, при помощи которого и было возведено здание Миссии и дома индейцев, завозится сюда по воздуху, на самолетах.

Ближайшее обитаемое место – это печально известная венесуэльская тюрьма «Эль Дорадо», о которой не так давно много говорили из-за новеллы Генри Чарьере «Папильон», где он описывает это «исправительное» заведение.

«Эль Дорадо» располагается в полчасе лета на север. А с южной стороны простираются недоступные и неизученные горы Сьерра-Паракаима и полные тайн вершины Рораима. Нико-

гда нога белого человека не ступала ни на те вершины, ни на тот горный массив, и ходят слухи, что это последнее прибежище племени женщин-воительниц, «амазонок», в честь которых и назвали ту великую реку, которую открыл Орельяна.

И так уж случилось, что я провел три месяца, блуждая по амазонской сельве от Гуаякиля на тихоокеанском побережье, до Белен де Пара на атлантическом берегу, следуя шаг за шагом по следам Орельяна и одновременно пытаюсь разузнать как можно больше от судьбе тех женщин-воинов. Мои исследования привели к заключению, что приблизительно два века назад последние из амазонок укрылись в одной из долин Сьерры-Паракаима. И поскольку Миссия располагается рядом с теми горами, то я захотел узнать, что обо всем этом думаю монахи.

– Не так уж и много, – скромно ответили они. – Добраться до этих гор совершенно невозможно и, тем более, мы ничего не знаем о тех, кто попытался проникнуть туда. Племена, живущие в округе, в основном ваикас и гуахарибос, ведут себя крайне враждебно, а еще глубже в горах и в сельве, как люди говорят, живут другие племена, настроенные еще более враждебно и воинственно, и не позволяют никому приблизиться к тем местам. Мы и сами не уверены в том, что какое-то из тех племен не состоит из женщин, но на данный момент это недоказуемо, поскольку любые новости, любые слухи непременно дошли бы до наших ушей.

– Однако, – возразил я, – кое-кто из пилотов, пролетавших над теми местами, утверждают, что видели с воздуха среди деревьев мосты и города, построенные из камня. По крайней мере, руины. И вы, наверняка, знаете, что в соответствии с легендами и традиционными рассказами местных, только амазонки могли возводить сооружения из камня.

– В самом деле, говорят про это много, – согласились монахи, – но пока кто-нибудь не будет в состоянии дойти туда и проверить все лично, подобные рассказы останутся лишь фантазиями. К великому сожалению, вся эта область совершенна непроходима, и на данный момент мы не верим, что найдется такой смельчак, отважившийся на подобную авантюру.

Остаток утра мы провели в компании с миссионерами из Кабанайен, те были очень внимательны и заботливы по отношению к нам. Затем мы полетели обратно, пролетели рядом с Ауянтепуи и водопадом «Прыжок Ангела», но на этот раз они были скрыты от нас густым туманом, и приземлились в одном из самых красивых уголков Земного шара: в Канаиме.

И водопады, и озеро Канаима, по моему мнению, представляют самый настоящий райский уголок, какой можно себе вообразить на Земле.

Представьте себе: пляжи из белого песка, прозрачайшая вода в озере и ни намек на каких-нибудь опасных животных, климат самый приятный, высокие пальмы «мориче» склонились над водой, словно только для того, чтобы подарить густую тень купающимся в озере. Без сомнения, это то самое место, где я с удовольствием поставил бы дом и остался жить навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.